

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Ли Ли
на тему: «Литературное творчество
русской эмиграции в Шанхае (1940-е гг.)»
по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы
народов Российской Федерации»

Диссертация Ли Ли обращена к одному из наименее изученных сегментов русской литературы зарубежья — поэтическому творчеству русских эмигрантов в Шанхае 1940-х годов. Как справедливо отмечает автор во введении, «литературное творчество русской эмиграции в Шанхае в 1940-е гг. до сих пор не получило достаточно полного освещения в науке». Действительно, при значительном объеме исследований, посвящённых харбинскому периоду «восточной ветви» эмиграции, шанхайский период — с его специфическими историческими условиями (японская оккупация, феномен «острова», послевоенный кризис) — оставался лакуной. **Актуальность работы** усиливается и тем, что в ней впервые вводится в научный оборот обширный массив текстов, ранее не подвергавшихся систематическому анализу: коллективный сборник «Остров» (1946), наследие М.П. Коростовец, три независимых перевода «Дао Дэ Цзин» на русский язык.

Дополнительную актуальность придаёт межкультурный ракурс исследования: диссертация рассматривает не просто «сохранение» русской традиции в изгнании, но и её трансформацию в контакте с китайской культурой, что отвечает современному интересу к механизмам межкультурного диалога.

Новизна результатов диссертации Ли Ли и их достоверность также несомненны. Она проявляется в нескольких аспектах:

- Впервые сборник «Остров» (1946) рассматривается как художественное целое, а не просто как антология.
- Предложена типология трёх моделей рецепции китайской культуры (аналогизирующая, декоративная, трансформирующая), которая служит сквозным аналитическим инструментом всей работы.
- Впервые вводится в научный оборот наследие М. Коростовец в его полном объёме (насколько это возможно при существующем состоянии источников).
- Предпринят системный анализ отсылок к Чжуан-цзы в поэзии Перелешина, причём автор показывает не только прямое влияние, но и структурное сродство.

Достоверность результатов исследования Ли Ли обеспечивается привлечением обширного корпуса первоисточников — от эмигрантской периодики до архивных материалов (архив Перелешина, переписка с Чинновым, журналы «Оккультизм и Йога», «Рубеж», «Эпоха»). Библиография насчитывает 345 наименований и охватывает как русскоязычные, так и китайские исследования, что особенно ценно. Использование цифровых ресурсов (RADC, каталоги Гуверовского института) расширяет источниковую базу.

Вместе с тем, как отмечает сам автор, «большая часть архивных материалов утеряна, а доступ к сохранившимся в Китае источникам значительно ограничен». Это неизбежно накладывает отпечаток на некоторые выводы, особенно в биографических реконструкциях.

Во введении к диссертации обосновывается актуальность темы и описывается степень её разработанности, из чего становится очевидно, что работа закрывает собой важную лауну в отечественном литературоведении и выявляется проблематика работы.

В первой главе «Русская литературная эмиграция в Шанхае: исторический и литературный контекст» задаётся прочный исторический фундамент для всего исследования. Ценно то, что автор не просто

пересказывает известные факты, но вводит в оборот новые свидетельства — например, фельетон В. Сербского «Едут и едут», статью М. Щербакова о литературе Шанхая. Особенно удачен параграф 1.4, где образ Шанхая как «серого города» анализируется через конкретные стихотворения (Н. Языкова «Шанхай», Н. Петерц «Сквозь цветное стекло»). Вывод о «расширении духовного пространства в условиях сужения физического» — ёмкая и точная формулировка.

Однако в параграфе 1.2, описывая литературные объединения 1930-х годов, автор местами приближается к перечислительному режиму: список кружков («Понедельник», «Вторник», ХЛАМ, «Шанхайская Чураевка» и т. д.) дан без достаточной дифференциации их эстетических программ. Читателю остаётся непонятным, чем «Вторник» отличался от «Четверга» в литературном отношении. Кроме того, ссылка на монографию Ли Синьмэй (2024) как на важнейший предшествующий труд контрастирует с тем, что критический разбор её концепции практически отсутствует — автор лишь констатирует, что Ли Синьмэй «не упоминает» кружок «Пятница».

Вторая глава «“Свой”: отсылки к русской литературной традиции и к русской поэзии модерна в творчестве поэтов русского Шанхая в 1940-е гг.» выстроена по ясному принципу: от Пушкина к Чехову, Тютчеву, Тургеневу и далее к акмеизму. Особенно интересен параграф 2.2 о Чехове, где автор выделяет три стратегии обращения к писателю: Хаиндрова «использовала, изменяя их, образы драматургии Чехова», Перелешин «вёл с ним духовный диалог» (стр. 58), Волин «всматривался в него издалека» (стр. 58). Тонкое наблюдение о том, что чеховское «В Москву, в Москву!» в шанхайском контексте обретает новый вес, удачно иллюстрирует тезис о двойной функции классики — как опоры идентичности и как зеркала изгнания.

Параграф 2.4 о наследии акмеизма содержит ценный материал о влиянии Гумилёва и Ахматовой на шанхайских поэтов. Автор убедительно показывает,

как «ахматовское» обнаруживается в «Острове» не на уровне прямых цитат, а «на уровне самого художественного задания книги» (стр. 66).

Параграф 2.3 (Тютчев и Тургенев) выглядит непропорционально коротким по сравнению с другими параграфами главы — всего несколько абзацев с цитатой стихотворения Волина о Тютчеве. Складывается впечатление, что материал для самостоятельного параграфа недостаточен, и он включён скорее для полноты картины. Также в параграфе 2.1 о Пушкине значительное место занимает описание мемориальных мероприятий (пушкинские дни, юбилеи), но собственно поэтический анализ пушкинской традиции в шанхайских текстах мог бы быть более развёрнутым. Упоминание «Поэмы без предмета» Перелешина онегинской строфой — важное, но единичное; хотелось бы увидеть более широкий анализ пушкинских отсылок.

Третья глава «“Чужой”: рецепция китайской культуры в литературе шанхайской эмиграции в 1940-х гг.» концептуально важна, поскольку именно здесь вводится типология трёх моделей рецепции (аналогизирующая, декоративная, трансформирующая), которая затем работает во всей диссертации. Хорошо показан «двойной барьер» — психологическая установка на временность изгнания и объективная сложность китайского языка, — который препятствовал глубокому освоению культуры. Сопоставление трёх моделей восприятия даосизма (Серебренников, Коростовец, Перелешин) — лаконичное и точное.

Параграф 3.4 о рецепции современной китайской литературы (Лу Синь, Ай Цин) вводит важный и малоизвестный материал — в частности, специальный выпуск журнала «Эпоха», посвящённый Лу Синю (1946), и перевод поэмы Ай Цина «К солнцу», выполненный Светловым.

Глава невелика по объёму и местами производит впечатление «моста» между главой II и более детальными анализами в главах V и VI. Параграф 3.2 («Образ Китая в поэзии шанхайской эмиграции: этнографический и символический аспекты») заявлен широко, но конкретный анализ стихотворений здесь сравнительно скуден. Типология трёх моделей рецепции

сформулирована в выводах к главе, но в самом тексте не везде проводится последовательно — например, «декоративная» рецепция проиллюстрирована недостаточно.

Четвёртая глава «Коллективный поэтический сборник “Остров” (1946) как целое» одна из наиболее содержательных глав диссертации. Автор успешно доказывает тезис о том, что единство антологии достигается «не на уровне тематики или стиля, а на уровне общей экзистенциальной ситуации авторов». Анализ раздела «Светильник» — с перечислением восьми вариантов угасания пламени у разных поэтов (от «физического исчезновения мира» у Померанцева до «невозможности сохранения» у Хаиндровой (стр. 96)) — убедителен и методологически корректен. Параграф 4.4 об образе пустыни как «реализации метафоры», где условно-поэтический образ срастается с географической реальностью «восточной ветви», — одно из лучших мест работы.

Параграф 4.5 о Достоевском — самый масштабный параграф главы. Автор показывает, как поэты-эмигранты через скрытые отсылки к Мармеладову, Ставрогину, Раскольникову осмысливали собственную судьбу: «Быть может, он тоже был вами укушен, / Помечен, замучен отравленным зубом...» (Н. Петерек).

В параграфе 4.1, описывая кружок «Пятница», автор признаёт: «О конкретном содержании собраний мы знаем только из фрагментарных воспоминаний участников». Это неизбежное ограничение, но из него следовало бы более осторожно формулировать выводы о принципах отбора стихов для сборника. Ремарка о том, что «наблюдаемая сегодня разнородность стихов “Острова” может являться лишь частью того богатого разнообразия, которое существовало до редакторского отбора» (стр. 88), делает уязвимым тезис о художественном единстве книги: если мы видим лишь результат отбора, не можем ли «единство» быть артефактом редакции? Этот вопрос остаётся непрояснённым.

Кроме того, при анализе образа Достоевского автор местами переходит от филологического анализа к риторическим обобщениям, которые не всегда подкреплены текстуально: например, утверждение о том, что «Достоевский был не только литературным кумиром, но и стал ключевым символом для поддержания культурной идентичности» (стр. 110), повторяется в разных формулировках несколько раз, но критерий самого «ключевого символа» по сравнению с Пушкиным или Чеховым не уточняется.

Пятая глава «Творчество Марии Павловны Коростовец: проблематика и поэтика» представляет собой систематический анализ наследия М. П. Коростовец. Параграф 5.1 — ценнейший биографический очерк, составленный на основе архивных материалов. Особенно интересны свидетельства о мистическом складе Коростовец, для которой даже решение о переезде в Шанхай было продиктовано «пророческим сном» (стр. 116).

Параграф 5.3 о стихотворении об императрице Цы Си — образец тонкого компаративного анализа. Автор показывает, как Коростовец, не называя ни «феникс», ни «фэнхуан», создаёт образ, сочетающий черты обеих мифологических традиций, и связывает это с гендерной двойственностью фэнхуана и положением Цы Си. Параграф 5.4 о «Москве» Ф. Глинки как претексте «Пекина» Коростовец — убедительная демонстрация «аналогизирующей» модели рецепции: «Глинка писал о вполне своём, а Коростовец оказалась вынуждена увидеть своё в чужом» (стр. 152).

Однако биографические лакуны (о жизни Коростовец после отъезда из Китая) заставляют автора прибегать к гипотезам. Так, в параграфе 5.3 мотив обращения к Цы Си объясняется «гендерной двойственностью фэнхуана» и «мужскими чертами» императрицы — но это объяснение снабжено оговоркой «предположим (хотя это и не исчерпывающее объяснение)» (стр. 140). Больше конкретных данных о круге чтения Коростовец помогло бы подтвердить или опровергнуть гипотезу о сознательном использовании фэнхуана.

В параграфе 5.2 автор выделяет «исторический» и «мистический» полюса поэтического мира Коростовец и прослеживает их эволюцию на

протяжении почти сорока лет (1934–1971). Схема трёх периодов (ранний, средний, поздний) ясна, но переходы между ними обоснованы скорее тематически, чем стилистически — анализ стиховой формы (метрики, ритмики, строфики) здесь практически отсутствует.

Шестая глава «Творчество Валерия Перелешина и традиции даосизма» самая объёмная и, возможно, самая значимая глава работы. Параграф 6.1 о теории «недосказа» — важный вклад в понимание поэтики Перелешина. Автор показывает, что эволюция от акмеистической ясности к «недосказу» не была случайной, а «сама по себе направлена в сторону духовной установки, обнаруживающей глубокую совместимость с даосской мыслью». Формулировка «Перелешин перевёл Лао-цзы, но в собственном поэтическом творчестве “прожил” Чжуан-цзы» (стр. 221) — точная и выразительная.

Параграф 6.2 о трёх переводах «Дао Дэ Цзин» — масштабный сравнительный анализ, в котором автор сопоставляет переводческие стратегии Перелешина, Коростовец и «Синолога». Различия в подходах (рационально-философский, теософско-мистический, герменевтико-популяризаторский) показаны убедительно.

Параграф 6.3 об образе бабочки — аналитический центр всей диссертации. Прослеженная эволюция от «пленной бабочки» раннего периода к «бабочке во сне» бразильского периода — от пассивного объекта к субъекту «превращения вещей» — убедительна и подкреплена анализом десятков стихотворений. Сопоставление с Набоковым продуктивно и открывает перспективы для дальнейших исследований.

Несмотря на достоинства глава местами избыточно растянута. Так. В параграфе 6.3, при всей ценности его содержания, включает детальный пересказ философии Чжуан-цзы, который читатель-филолог мог бы предпочесть более компактным формулировкам с отсылками к первоисточникам. Стиховой анализ (метрика, фоника) при рассмотрении бабочки как поэтического образа отступает на второй план перед

тематическим и философским комментарием. Сопоставление Перелешина и Набокова, при всей его продуктивности, ограничено анализом образа бабочки; хотелось бы видеть более широкий контекст сравнения (например, проблему эмигрантской идентичности у обоих авторов).

Диссертация Ли Ли представляет собой серьезное, научно обоснованное исследование, вносящее существенный вклад в изучение русской литературы зарубежья. Впервые предложено обобщающее описание поэтического творчества русской эмиграции в Шанхае 1940-х годов, введен в оборот значительный массив новых текстов, разработана типология рецепции китайской культуры. Положения, выносимые на защиту, в целом обоснованы, научные выводы достоверны и новы. Отмеченные недостатки (неравномерность глубины анализа отдельных глав, отдельные повторения, гипотетичность некоторых биографических реконструкций) не снижают общего высокого качества работы.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Ли Ли заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

Кандидат филологических наук, доцент

Доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков

факультета Международных отношений

Федерального государственного автономного образовательного учреждения

высшего образования «Московский государственный институт

международных отношений (университет) Министерства иностранных дел

Российской Федерации»

Сенина Екатерина Владимировна

24.09.2026 г.

Контактные данные:

e-mail: e.senina@my.mgimo.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76,

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение

высшего образования «Московский государственный институт

международных отношений (университет) Министерства иностранных дел

Российской Федерации»,

кафедра китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и

кхмерского языков

Тел.: [+7 495 229-38-04](tel:+74952293804); e-mail: chinalanguage@inno.mgimo.ru

Подпись сотрудника МГИМО МИД России Е.В. Сениной удостоверяю: